

Рационализация и «религизация» в современной ТМО

*Интервью с Романом Райнхардтом,
доцентом кафедры дипломатии МГИМО МИД России*

АННОТАЦИЯ

Р.О. Райнхардт – доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России, специалист в области истории и теории дипломатии. Его основные научные интересы охватывают такие темы, как экономическая дипломатия, научная дипломатия, международное научно-техническое сотрудничество в контексте российской внешней политики, а также внешних связей ЕС. Окончил МГИМО МИД России. В 2016 г. получил ученую степень кандидата экономических наук.

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: Как и большинство других областей знания, теория международных отношений (ТМО) продолжает активно развиваться, время от времени сталкиваясь с парадигмальными кризисами и постоянно – с необходимостью пересмотра и обновления ключевых существующих концепций. Как большим школам ТМО, так и дисциплине в целом не раз прочили «конец», и редкое фундаментальное исследование обходится без подобного рода сентенций. Так не зашла ли ТМО в тупик?

Роман Райнхардт: Говорить о том, что она «зашла в тупик» и более не отвечает запросам прикладных исследований, действительно, считается хорошим тоном, по крайней мере во вводной части исследований. Однако, с моей точки зрения, это настолько же нецелесообразно, насколько воспринимать буквально название первой и, пожалуй, самой известной книги американского философа и политолога Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек»¹. Трансформация имеющихся теоретических представлений и поиск новых – процесс непрерывный, наблюдаемый на всех этапах развития научного знания. Безусловно, он протекает на неодинаковых скоростях, обуславливается различными факто-

1 Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press, 1992.

рами – как внешними, так и внутренними – и может по-разному интерпретироваться.

С.М.: Как бы Вы в таком случае оценили состояние так называемых «гранд-теорий» в новом столетии?

Р.Р.: Несмотря ни на что, лидирующее положение «мейнстримных» направлений, как то: неореализм, неолиберализм, конструктивизм, продолжает сохраняться. Продолжение споров и полемики между их сторонниками свидетельствует о востребованности перечисленных школ. Это едва ли стоит трактовать как дефицит новых концепций. Ведь параллельно с ними органично эволюционируют альтернативные (например, неомарксизм) и маргинальные (не будем приводить примеров, дабы не обидеть никого из коллег) течения. Появляются и вовсе инновационные подходы. Речь скорее идет о сохраняющейся идейной олигополии неореалистов, неолибералов и конструктивистов, причем без эпитета «естественная» и оговорки «за неимением лучшего». Их позиции пока достаточно прочны, чтобы продолжать формировать контуры области знания в кратко- и среднесрочной перспективе или, во всяком случае, оказывать значимое влияние на такое формирование. К долгосрочной же перспективе здесь видится применимым знаменитый афоризм Дж. М. Кейнса: «В конечном счете, мы все мертвы»¹.

В данном контексте допустимо провести параллели с мировыми религиями, к которым традиционно было принято относить (в порядке возникновения) буддизм, христианство и ислам. Их отличие от других распространенных вероисповеданий (иудаизма, индуизма, конфуцианства, синтоизма и др.) состоит в том, что этнические и национальные характеристики индивида-последователя в меньшей степени коррелируют с его/ее конфессиональной принадлежностью. Проще говоря, эти религии объединяют людей с самыми разными культурными, языковыми, политическими признаками и связями. Они универсальны, но в то же время гетерогенны в плане целевой аудитории.

В условиях глобализации, несмотря на такие объективные явления как секуляризация и появление новых религиозных движений, можно утверждать, что на текущем этапе именно мировые религии остаются ведущими институциональными стейкхолдерами в своей сфере. Схожими свойствами – в первую очередь, с позиций инклюзивности – обладают и три названных «мейнстримных» ТМО. По существу, они объединяют теоретиков с совершенно разным бэкграундом и поведением – начиная от географии и аффилиации, заканчивая конкретной областью и направлением исследований. Оценить численность адептов внутри каждой из них в отличие от численности последователей основных религий технически крайне сложно.

Изучая предметное поле сравнительно нового направления – научной дипломатии², мы с коллегой М. Орсино из университета «Луиджи Ванвителли» составили выборку из 27 исследователей, занимающихся ее разработкой, а также – в бо-

1 Brad DeLong, "A note on Niall Ferguson: Why did Keynes write 'In the long run we are all dead'?" Washington Center for Equitable Growth, April 7, 2016, accessed September 23, 2021, <https://equitablegrowth.org/a-note-on-niall-ferguson-why-did-keynes-write-in-the-long-run-we-are-all-dead/>.

2 Райнхардт, Р.О. Наука о дипломатии, для дипломатии, в дипломатии // Обозреватель – Observer. – 2019. – № 352(5). – С. 58–72.

лее широком плане – изучением вопросов международного научно-технического сотрудничества (МНТС). В группу вошли как российские эксперты в количестве 15 человек, так и зарубежные – 12 (главным образом, итальянские – 8). 14 из них были женщинами, 13 – мужчинами, причем возраст тех и других варьировался от 23 до 78 лет. 6 экспертов имели ученую степень доктора наук, 5 – кандидата наук, 5 – PhD. С точки зрения аффилиации они представляли три типа учреждений – высшие учебные заведения (15 человек), научно-исследовательские институты (10 человек), ведомственные исследовательские центры (2 человека). В статистическом отношении подобная выборка однозначно не может считаться репрезентативной, однако для целей точечного и качественного исследования она виделась подходящей, в том числе в силу узости избранного подраздела знания – научной дипломатии и МНТС.

С участниками сформированной таким образом фокус-группы были проведены беседы и полуструктурированные интервью. Первый вопрос сводился к их приверженности той или иной парадигме международных отношений при проведении ими прикладных исследований в области научной дипломатии и МНТС. По итогам бесед 11 опрошенных склонились к неореализму, 7 – к неолиберализму, 6 – к конструктивизму, 3 затруднились ответить. При этом любопытно, что ни один из них не заявил о предпочтении иных, в том числе более экзотических, парадигм, равно как и об их полном отрицании («атеоретизм»). Также примечательно то, что спектр ответов не позволил выявить закономерностей в виде корреляции выбора парадигмы с описанными выше личными характеристиками (страна, аффилиация и т.д.).

Разумеется, полученные эмпирические данные никак нельзя экстраполировать на всю сферу исследований в области международных отношений. Помимо того, что такое обобщение противоречило бы базовым принципам социологии и статистики, значимую роль здесь играет структура и специфика предметного поля научной дипломатии, находящегося на достаточно ранней стадии развития. В то же время результаты опроса не опровергают и даже в некотором смысле иллюстрируют тезис о первом тренде и сопоставимости «больших троек» ТМО и религий.

С.М.: Все это весьма интересно. Однако, как показывает практика, во многих научных трудах использование неореалистских, неолиберальных и конструктивистских подходов напрямую не прописывается. Удалось ли выяснить, соответствуют ли научно-исследовательские работы Ваших респондентов «исповедуемым» ими теориям международных отношений?

Р.Р.: Нам удалось выявить преимущественно скрытое или по большей части имплицитное применение в прикладных аналитических работах соответствующих парадигм. Случаи, когда автор эксплицитно заявляет о том, что при изучении, скажем, истории российско-американских научно-технических связей¹ исходит из аксиом, разделяемых неореалистами, если и встречаются, то, судя по всему, крайне редки. Во всяком случае, нам в массиве из 117 работ по научно-

1 Крынжина, М.Д. Возможности научной дипломатии в условиях санкций: опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970-1980-е гг. // Социология науки и технологий. – 2020. – № 11(3). – С. 59–73.

дипломатической проблематике, подготовленных представителями описанной выше фокус-группы, удалось найти всего 4 такие работы.

Анализ остальных элементов массива публикаций позволил заключить, что в большинстве случаев, хотя отнюдь не всегда, их теоретико-методологическая база отражала концептуальные установки, задекларированные авторами в рамках предыдущего пункта интервью. Иными словами, эксперты, идентифицировавшие себя в качестве неореалистов, при проведении исследований, действительно, как правило, ориентировались на положения данного течения. То же относилось к неолибералам и конструктивистам.

Этот феномен в известной мере тоже можно сравнить с некоторыми частными проявлениями религиозности на современном этапе. Так, в светских государствах, особенно в странах Европы и Америки, афишировать свою конфессиональную принадлежность за пределами данной сферы жизни в основном не принято. Не секрет, что открытая демонстрация вероисповедания в деловой, рабочей обстановке, а также и в быту может быть расценена неоднозначно. В целом для многих мирян вопрос религии все больше воспринимается как дело личное, если не сказать интимное. Вместе с тем, это ни в коем случае не попирает свободу вероисповедания, закрепленную в большинстве стран конституционно и/или на иных законодательных уровнях. Отсюда паттерн поведения по типу «спросили – скажу, не спрашивают – говорить не буду». Эксплицитное же само-позиционирование и идентификация в качестве апологета того или иного направления в религиях становится уделом служителей культа и богословов, в науке – «теоретиков». «Прикладники» же, подобно мирянам, если и имеют какие-либо теоретические убеждения, в основном предпочитают первыми не заводить о них разговор. Говоря о научных работниках, предполагаем, что дело не в том, что многие из них стесняются таких заявлений, но скорее в эпистемологической разнице понимания фундаментальных и практико-ориентированных исследований. Утрируя, один из участников фокус-группы сформулировал это следующим образом: «Мы люди простые, в темы веры и научных парадигм не лезем: батюшка за нас помолится, а концепцию разработает и опишет теоретик».

С.М.: Получается, рамки использования теорий расширяются, если не сказать размываются?

Р.Р.: Действительно, важный тренд, который мы выделили в ходе исследования, заключается в «банализации» использования выделенных парадигм. Будучи изначально инструментом достаточно узкого круга посвященных, они все больше становятся массовыми и популярными даже в среде дилетантов и начинающих международников. Этому способствует то, что можно было условно обозначить как «деэлитаризацию» всей сферы внешней политики¹. Ведь благодаря демократизации, а также стремительному развитию информационно-телекоммуникационных технологий она более не предстает в виде клуба, практически недоступного для посторонних, как это было всего несколько десятилетий

1 Зонова, Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2003. – 336 с.

тому назад. Сейчас в международных переговорах участвуют не только «классические» и стереотипные дипломаты, некогда разрабатывавшие Устав ООН. А анализом их деятельности, в свою очередь, более не занимается замкнутая на себе каста ведущих мыслителей вроде К. Уолтца и Дж. Ная. По крайней мере, не исключительно и эксклюзивно.

Следствием этого, с одной стороны, видится определенное упрощение и зачастую даже вульгаризация концептуальных основ ТМО. Случается, что те, кто их применяет или пытается применить, знакомы с ними в лучшем случае на уровне начальных курсов профильных вузов. Более того, рассуждения о них нередко проникают в разного рода политические ток-шоу и в целом в эфир, ориентированный на неспециалистов. С данным тезисом согласились 17 участников фокус-группы.

Я не вижу в обозначенной тенденции как таковой ничего плохого, однако, с другой стороны, считаю более конструктивной и несущей в себе большую добавленную стоимость для общества популяризацию проблематики признанными и авторитетными специалистами в данной области. В качестве примера стоит привести недавнюю статью А.В. Картунова, доступно, метафорично и в то же время грамотно с научной точки зрения объясняющую конфликт неореализма и неолиберализма в условиях текущей политической конъюнктуры¹. Указанная статья послужила отправной точкой для интересной и живой полемики среди исследователей² внутри и вне так называемого экспертного сообщества, границы которого становятся все более флюидными.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что нечто похожее происходит и в религиозной сфере. Получив доступ к информации, многие миряне стали вести чуть ли не богословские споры и вступать в дебаты на соответствующие темы. «Замахнуться» на таковые раньше по этическим соображениям решились бы далеко не все. Уровни таких дискуссий, равно как и их полезность могут существенно различаться, однако сам факт роста внимания к тематике в русле ее банализации и в целом демократизации налицо. Такое сопоставление, в свою очередь, поддержали 13 участников фокус-группы.

С.М.: Получившим относительно недавно очередной импульс явлением представляется попытка конвергенции гуманитарных и естественных, а также точных наук. Это касается как теоретических основ и методов проведения исследований, так и сближения «гуманитариев» и «естественников»/«технарей» на

В итоге «говорить за реализм», при этом весьма компетентно, «с ученым видом знатока» начинают многие отечественные и зарубежные эксперты самых широких взглядов.

1 *Картунов, А.В.* Водка или коньяк: два взгляда на мировую политику. Руководство к действию // Россия в глобальной политике. 24 июня 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vodka-ili-konyak-rukovodstvo/> (дата обращения: 21.09.2021).

2 *Шупер, В.А.* Добрый коньяк для будущего России // Российский совет по международным делам. 2 июля 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dobryy-konyak-dlya-budushchego-rossii/> (дата обращения: 21.09.2021); Тимофеев, И.Н. Забыть «Калашников»? Российская внешнеполитическая мысль после реализации // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 26 августа 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zabyt-kalashnikov/> (дата обращения: 21.09.2021).

личностном уровне. Говоря об отчасти форсированном характере таких изменений, достаточно упомянуть, что во многих программах и конкурсах на проведение фундаментальных НИР в последнее время особый упор делался на необходимости применения естественно-научных методов в социогуманитарных исследовательских проектах¹. Как Ваш опрос отражает эту междисциплинарную специфику современной ТМО?

Р.Р.: Действительно, наличие в научном коллективе, выполняющем такие работы, «технаря» само по себе расценивается как весомое конкурентное преимущество. Использование количественного инструментария в части методов еще больше повышает шансы заявки на успех. И хотя данные положения уже не всегда строго прописываются в конкурсной документации, что свидетельствует о спаде очередной волны «квантитативного фетишизма» в гуманитарных и общественных науках, по инерции такая установка склонна сохраняться. Это мнение в нашем опросе разделили 18 участников фокус-группы.

В качестве репрезентативного кейса здесь имеет смысл отметить попытку германо-американского политолога А. Вендта проецировать достижения квантовой механики на общественные науки в целом и ТМО в частности². Данный продолжающийся и, видимо, еще далекий от своего даже предварительного завершения проект известного ученого был подробно рассмотрен отечественным научным коллективом под руководством другого корифея политической науки Т.А. Алексеевой³. Лично я выражаю определенный скепсис относительно реальных перспектив внедрения данной теории. Ведь, несмотря на ее потенциал, масштабный и амбициозный характер, она требует от разработчиков и «пользователей» серьезной подготовки в современной физике и смежных дисциплинах. Базовых познаний о корпускулярно-волновом дуализме и принципе Гейзенберга для реальной работы с ней недостаточно. Способны ли ведущие теоретики международных отношений не только освоить азы квантовой механики, но и понять смысл достижений в области, предположим, теории суперструн, может ли это в принципе принести им пользу, – эти и другие вопросы остаются во многом открытыми. Ответить на них участники фокус-группы затруднились.

С.М.: Но можно ли вообще утверждать, что попытка вновь «онаучить» ТМО является новым явлением?

Р.Р.: Нельзя сказать, что обозначенный ажиотаж вокруг адаптации естественных наук к гуманитарным, включая ТМО, был чем-то доселе невиданным. Его истоки можно найти, как минимум, на страницах трудов предтеч и представителей эпох позднего Возрождения и Просвещения, таких как Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Паскаль и другие⁴. Квинтэссенция тогдашних идей, действительных и мнимых, то есть добавленных доксографически, метко и, думается, отчасти иронично сформулирована в гетевском «Фаусте»: «Чего ученый честь не смог – то заблужденье

1 См., например, Конкурс на лучшие комплексные междисциплинарные проекты фундаментальных исследований по естественно-научным и социо-гуманитарным направлениям («Конвергенция») // РФФИ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/regional_contests/o_2057949 (дата обращения: 22.09.2021).

2 Wendt, Alexander. *Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

3 Алексеева, Т.А., Минеева, А.П., Лошкарев, И.Д., Ананьев, Б.И. «Квантовый подход» к международным отношениям. – М.: Знание-сила, 2018. – 110 с.

4 Зонова, Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2003. – 336 с.

и подлог»¹. В начале XX в. эту мефистофелевскую максимуму развил «отец ядерной физики» Э. Резерфорд, подразделив все науки на две группы: физику и коллекционирование марок². Чуть позднее Л. Ландау, знаменитый не только выдающимися научными достижениями в той же области, но и отменным чувством юмора, предложил свою, несколько более «мягкую» классификацию наук: естественные, неестественные и противоестественные³.

Очевидно, что в таких, пусть и шуточных (в каждой шутке, как известно, есть доля шутки), высказываниях прослеживается некоторое чувство превосходства «технарей» над «гуманитариями». Наоборот, стремление, допустим, некоторых экономистов-международников доказать, что они «не хуже» своих коллег из смежного цеха, путем не всегда оправданного использования эконометрических методов в известной мере можно расценивать как проявление определенных психологических комплексов. Такое мнение было, кстати, высказано 6 участниками фокус-группы.

С.М.: А повлияла ли каким-то образом пандемия на восприятие науки и научного знания в XXI в.?

Р.Р.: Безусловно. Начиная со второй половины 2010-х гг. уместно говорить о росте популярности сциентизма и увеличении числа его активных и пассивных сторонников. Его потенциал постепенно и последовательно нарастал, накапливался, а дополнительным мощным импульсом для данного процесса, особенно в той части, в которой он касается международных отношений, стала начавшаяся в 2020 г. пандемия.

Так, еще до завершения разработки и массового внедрения первых вакцин от новой коронавирусной инфекции в дискурс международных медленно, но верно стала входить формула «вакцинной дипломатии». Именно на нее возлагались и отчасти продолжают возлагаться надежды в деле спасения от продолжающейся всемирной санитарной катастрофы. Сотрудничество ученых, представляющих различные страны, в совокупности с альянсом политиков и профессиональных дипломатов виделось ключом к урегулированию кризиса. Заявления многих официальных лиц соответствовали такому запросу. Так, министр иностранных дел России С.В. Лавров еще в апреле 2020 г. отметил, что в период пандемии научная дипломатия перестает быть инструментом влияния и не должна восприниматься в качестве такового⁴. Напротив, ее миссией, по мнению главы российского внешнеполитического ведомства, становится «выработка противоядий от общих проблем, которые угрожают человечеству»⁵.

Стоит обратить внимание на то, что само понятие «вакцинная дипломатия» возникло задолго до текущей пандемии. За рубежом его ввел в оборот, судя по всему, в начале 2000-х гг. практикующий врач и ученый из США П. Хотез⁶, что, впрочем, не исключает окказионального и эпизодического употребления данно-

1 *Гете, И.В.* Стихотворения. Фауст / Пер. с нем. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. – 800 с.

2 Blackburn, Simon. "Scientism". In *The Oxford Dictionary of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

3 *Бессараб, М.Я.* Так говорил Ландау. – М.: Физматлит, 2003. – 128 с.

4 Лавров считает, что научная дипломатия при пандемии перестает быть инструментом влияния // ТАСС. 21 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/8294685> (дата обращения: 20.09.2021).

5 Там же.

6 Peter Hotez, "Vaccine Diplomacy. The Multinational Effort to Eliminate Disease Might Not Only Save Lives but Prevent Conflict," *Foreign Policy*, November 19, 2009, accessed September 15, 2021, <https://foreignpolicy.com/2009/11/19/vaccine-diplomacy/>.

го словосочетания прежде. В России оно аналогичным образом впервые появилось в сочинении Т.В. Зоновой со ссылкой на названного американского специалиста¹.

С.М.: Вы упомянули сциентизм. Не могли бы Вы раскрыть это понятие?

Р.Р.: Сциентизмом обычно называют обобщение и воплощение «физикоцентричных» идеалов и тотальной рационализации науки. Исследователи данного феномена выделяют следующие его имманентные черты: убежденность в том, что лишь научное знание выступает настоящим знанием, в то время как все другие виды знания суть мнения или вовсе абсурд; позиция, согласно которой методы и допущения (включая эпистемологические и метафизические), на которых основаны естественные науки, могут и должны быть использованы в общественных и гуманитарных науках; абсолютная вера в науку как средство получения знаний и решения стоящих перед человечеством проблем; приверженность натуралистической и материалистической метафизике, которая служит основным объектом критики сциентизма, поскольку он не только отстаивает примат науки, но и выдвигает требования метафизического свойства².

К видным представителям данного течения за рубежом стоит отнести Р. Брэндома, Э. Юдковского, А. Хансена, в России – А.Ю. Панчина, В.А. Ключарева, А.А. Казанцеву, равно как и многих других представителей научного сообщества, в той или иной степени симпатизирующих очерченным выше идеям. Географически их концентрация особенно высока в Калифорнии, а также в Австралии. Впрочем, на вопрос «Относите ли Вы себя к сциентистам?» лишь двое участников фокус-группы ответили утвердительно.

С.М.: Тот же П. Хотез в 2021 г. опубликовал книгу с образным и интригующим заголовком «Предотвратить следующую пандемию. Вакцинная дипломатия во времена анти-науки»³. В данном труде автор, работавший во время президентства Б. Обамы специальным «послом науки»⁴ в странах Ближнего Востока и Северной Африки, развивает мысли, во-первых, об острой необходимости сотрудничества, а не соперничества национальных научных и дипломатических сообществ перед лицом глобальной угрозы, и, во-вторых, о научно-техническом прогрессе (на примере медицины и микробиологии) как одном из основных драйверов международных отношений на современном этапе. Наряду с этим автор также высказывает мнение о том, что «науки друг с другом не воюют», или, во всяком случае, не должны воевать. Как Вы можете прокомментировать это мнение?

Р.Р.: Такая апология едва ли может оставить равнодушным как ученых, так и обывателей. Вместе с тем, наблюдаемая реальность не позволяет в полной мере – по крайней мере, пока – согласиться с ней или принять ее на веру. Непризнание отечественных вакцин рядом западных стран и недопущение, с другой стороны, производимых там вакцин на российский рынок стоит рассматри-

1 Зонова, Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2003. – 336 с.
2 Robinson, Daniel N. "Science, Scientism, and Explanation." In *Scientism: The New Orthodoxy*, edited by Richard N. Williams and Daniel N. Robinson, 24–40. London: Bloomsbury Academic, 2015.
3 Hotez, Peter. *Preventing the next Pandemic. Vaccine Diplomacy in a Time of Anti-science*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2021.
4 Райнхардт, Р.О., Мозебах, В.А. Деятельность атташе по науке: отечественные и зарубежные практики // Человеческий капитал. – 2017. – 108(12). – С. 28–33.

вать явно не в ключе «вакцинной дипломатии», но скорее в ключе «вакцинной войны» (возможно, как продолжение гибридной). Иными словами, смысловая территория мало соответствует красивой когнитивной карте П. Хотеза. Возвращаясь к результатам опроса: на вопрос «Видите ли Вы потенциал в “вакцинной дипломатии”?» 20 из 27 участников фокус-группы ответили «Нет».

С.М.: Очевидно, что в работе религиозных и научных институтов, несмотря на то что исторически они нередко противопоставлялись друг другу в идейном плане, можно при желании найти немало сходств. Это касается как их формального (вплоть до бытовых аспектов), так и содержательного измерений. В каких аспектах теории международных отношений справедливо обнаружить подобное сходство?

Р.Р.: Говоря о ритуалах, вполне уместно провести определенные параллели между, например, рукоположением религиозных лидеров (смиха в иудаизме, хиротония в христианстве) и процедурой присуждения ученой степени научным работникам. В более общем плане историческая связь между средневековыми объединениями студентов и отчасти профессоров, с одной стороны, и монашескими орденами, с другой стороны, прослеживается на феномене голиардии. Изначально пародируя вторые, первые со временем стали организационно безо всякой иронии копировать их обычаи и традиции. Так, для непосвященного человека обряд исполнения «Гаудеамуса» мало чем отличался от церковных гимнов и песнопений. При этом, в отличие от других фарсовых орденовских организаций вроде «Всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора» Петра I или «Арзамасского общества безвестных людей», ордена голиардов существовали достаточно долго и до сих пор сохранились в отдельных итальянских областях и университетах.

Ритуализацию современной науки более глубоко, используя философский и теологический научный аппарат, рассматривают, в частности, К. Мейясу¹, а также некоторые отечественные исследователи, например, Р.В. Светлов² и И.И. Смирнов³.

С.М.: Если подытоживать проведенную Вами работу и выделять основные феномены, позволяющие увидеть черты практического «орелигивания» ТМО, парадоксальным, на первый взгляд, образом сочетающегося с ее рационализацией, что бы Вы назвали в первую очередь?

Р.Р.: Во-первых, все более жесткую канонизацию результатов исследовательской деятельности. На деле она проявляется в необходимости публиковать итоги научных трудов исследователей-международников в изданиях и форматах, изначально в большей степени рассчитанных на «естественников». Речь идет о рецензируемых изданиях, входящих в ведущие международные базы данных *Scopus*, *Web of Science* и др. Скептическое отношение к данной практике, местами форсировано замещающей традиционные формы обнародования научных достижений в рамках гуманитарных НИР (главным образом, монографий, а не

1 Meillassoux, Quentin. *Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence*. Paris: Seuil, 2006.

2 Светлов, Р.В. Религиоведение в современной России. Взгляд из соседней аудитории // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2020. – № 5(1). – С. 7–21.

3 Смирнов, И.И. Критика метафизики и постсекулярная парадигма // Философия и культура. – 2018. – № 8. – С. 1–13.

статей в соответствующей периодике), уже неоднократно озвучивались ведущими специалистами ТМО¹. На бытовом уровне, по словам одного из участников фокус-группы, критика «скопосумании» зачастую напоминает выпады в сторону

То же можно сказать и о форматах публикации – особенно структуризации статей по типу *IMRAD*. Слепая ориентация на данный канон при подготовке научных работ фактически превращает его в своеобразный аналог символа веры, или, если угодно, мантры.

русского ЕГЭ. Думается, что, как и в случае с последним, систематизация и гармонизация форм имеет, безусловно, не только отрицательные, но и положительные стороны. Тем не менее, использование одних и тех же критериев для оценки эффективности работы «гуманитариев», «естественников» и «технарей» видится спорным моментом. Во-вторых, почитание научных авторитетов, появление своего рода культа «отцов направления». С формальной точки зрения, это до некоторой степени выступает следствием предыдущего пункта: во вводной (*Introduction*) и заключительной, содержащей обсуждение результатов (*Discussion*) частях статьи, которая построена по логике *IMRAD*, принято апеллировать к корифеям. Например, отсутствие упоминания в статье о наступательном реализме имярека Дж. Миршаймера большинство серьезных изданий, скорее всего, сочтут кощунством, если не святотатством. По мнению трех участников фокус-группы, положение некоторых упомянутых выше ведущих ученых становится близким к фигурам Отцов Церкви. Их наиболее известные тексты склонны объединяться в нечто сравнимое с патри-

стическим корпусом. Указанные же разделы вновь публикуемых статей нередко упираются в патрологические изыскания, причем иногда в ущерб реальной добавочной стоимости исследования, ведь объем публикации всегда ограничен. Аналогичным образом вводные части диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук все больше напоминают синодики, то есть «поминальнички» (иногда данное слово даже используется в академическом жаргоне).

«Вставанию на плечи гигантов» современными международниками, по примеру Б. Шартрского и вслед за ним И. Ньютона, также способствует развитие наукометрических методик. В результате: как чужой, так и собственный авторитет в профессиональной среде становится в прямую зависимость от количества цитирований, рассчитанных на их основе известных индексов и т.п. Случается, что погоня за цитатами обретает форму obsessions, а высокие показатели на данном направлении не только выступают самоцелью, но и в случае их достижения вызывают у ученого состояние, сравнимое с религиозным экстазом. Об этом заявили 5 участников фокус-группы. Сюда же можно отнести и пресловутый эффект Матфея, впервые в данном контексте описанный Р. Мертоном², в соответствии с которым обильно цитируемые работы будут

1 Заседание Национального совета по наукометрии и научной периодике // МГИМО–Университет. 17 марта 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/zasedanie-natsionalnogo-soveta-po-naukometrii-i-nauchnoy-periodike/> (дата обращения: 20.09.2021).

2 Merton, Robert K. "The Matthew Effect in Science." *Science* 3810, no. 159 (January 5, 1968): 56–63.

цитироваться еще больше, в то время как мало цитируемые имеют тенденцию оставаться таковыми. При этом далеко не случайно, что название эффекта являет собою отсылку к Новому Завету.

С.М.: То есть, в конечном счете, Вы утверждаете, что ТМО на современном этапе своего развития, как и многие другие разделы научного знания, испытывает на себе влияние двух факторов – рационализации и, так сказать, «религизации»?

Р.Р.: Верно. На первый взгляд, эти движущие силы противоположны друг другу, однако при детальном рассмотрении представляются тесно переплетенными и взаимосвязанными. Такое диалектическое восприятие свидетельствует о комплексном и неоднозначном характере наблюдаемых трансформаций и определяет дискуссионный характер приведенных тезисов. Вместе с тем я не могу не надеяться, что некоторые из них могут стать отправной точкой для дальнейшей научной дискуссии.

Речь ведь идет не только и не столько о сближении богословия с наукой о дипломатии на уровне теории, сколько об интерференции соответствующих практик, концепций и подходов. Прогнозирование дальнейших метаморфоз в условиях текущей турбулентной обстановки на международной арене даже с учетом полученных результатов видится затруднительным. Перефразируя изречение античного автора: возможности науки безграничны, ученых – нет.

С.М.: Благодарю Вас за увлекательный разговор.

Р.Р.: Спасибо и Вам. Я также выражаю благодарность своему коллеге М. Орсино из университета «Луиджи Ванвителли» и участникам фокус-группы, работа с которыми во многом заложила не только эмпирическую, но и концептуальную базу для нашей сегодняшней беседы.

Цитирование

Райнхардт, Р.О. Рационализация и «религизация» в современной ТМО // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (4). – С. 169–179.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-169-179>

For citation

Reinhardt, Roman O. "Rationalization and 'Religization' in the Modern Theory of International Relations." *Journal of International Analytics* 12, no. 4. (2021): 169–179.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-169-179>

Сведения о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 18-78-10123-П).

Funding

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation
(project no. 18-78-10123-П).